

В этой жизни, богатой узорами (неповторной, поскольку она по-другому, с другими актерами будет в новом театре дана), Я почел бы за лучшее счастье так сложить ее дивный ковер, Чтоб пришелся узор настоящего на былое, на прежний узор.
В. Набоков

ВЕНГЕРСКАЯ БАШНЯ НА РУССКОЙ РАВНИНЕ ЗИХЕРМАН ШАНДОР – РОБЕРТ МАТЯШЕВИЧ

Шандор Роберт Матяшевич Зихерман! Каким обаянием звучит это странное имя, какой притягивающий интерес вызывает встреча с его обладателем!

Прошло пятнадцать лет с тех пор как художник обосновался в Будапеште, но мы не перестаем восхищаться многообразием его таланта.

Впечатления о Шандоре Зихермане накапливались постепенно. Придется начать с того времени, когда в Куйбышеве в конце семидесятых годов в Художественном музее проходила выставка произведений болгарских художников из Стара-Загоры –

побратима нашего города. После открытия состоялся банкет в ресторане «Волга».

В толпе множества знакомых лиц притальное любопытство вызывал человек, загадочный вид которого мучил воображение. Всё было в нем интересно – красивые выразительные глаза, живописная копна волнистых волос, кудрявая в мелких колечках смоляная борода. И улыбка, украшающая усы! Костюм в полоску – на другом человеке этот костюм выглядел бы просто нелепо. А как ладно сидел на нем этот костюм! Одновременно – одеяние художника, облачение, пригодное для дальних стран-

ствий и для встречи с зарубежными гостями. Он был из тех, кого называют первоходцами. Но тогда я этого не знала.

И вот сейчас лето 2005 года – встреча с художником, и по-прежнему притягателен его облик. Светлый льняной, слегка измятый костюм оттенка беж, туфли, расшитые на любые каверзы погоды, летняя соломенная шляпа с пестротканой лентой, уже седая, окладистая борода – всё становится замечательной оправой для этой выдающейся личности! А взгляд карих глаз всё так же подкупает своей особой жизнью. Тщательно продуманный костюм

путешественника служит ему чем-то вроде хламиды отшельника. В таком наряде легко отправиться пешком вокруг света, в лучший театр мира, в новую галерею или на блошинный рынок.

Я не могу припомнить, кто бы еще мог с такой радостью и восторженным подъемом оценить прелесть жизненного бытия. Праздничным событием для него явилась возможность пообщаться с парой-тройкой друзей, отправиться в путешествие на тихо плывущем теплоходе в Ширяево или пойти на вернисажи А. Васильева и М. Шанькова.

Его непосредственная натура, его любовь к игре, стремление сделать жизнь многообразнее, ярче – всё это вызывает восхищение.

Для меня художник Шандор Зихерман – магический персонаж из романов Милорада Павича. Перефразируя великого прозаика, что «человеческие мысли как комнаты», я бы выразилась: «Человек – это дом». Кто-то из людей при первой встрече оставляет впечатление роскошной квартиры, кто-то – чердака или унылого казенного чужого жилища, в котором личность и не личность, а только квартирант в ожидании будущего. Некоторые личности владеют полезными и практичными вещами в своем доме, а другие, как в лавке старьевщика, – неизвестно чем.

«Человек-дом» Шандор Зихерман владеет, говоря опять же образным языком, анфиладой светлых комнат, заполненных верой в любовь и дружбу, с видом на Карпатские горы, восточный базар и Русский музей. Одна комната в этом «личностном доме» – роскошная библиотека, другая – мастерская художника, третья – мини-театр, обязательно комнаты для любимой жены и четырех детей, и отдельная – для близких друзей.

Шандор Зихерман в своих работах стремится привести к гармонии, к единой системе изображения предметы и геометрические элементы, ибо чистая работа с натурой не удовлетворяет художника. Из сплава фигуративных и геометрических элементов выковывает ту форму, которая наиболее соответствует замыслу. Живописные произведения и наброски создают калейдоскоп Впечатлений и Восхищений Ш.М. Зихермана увиденным – природой, городами и людьми в каждом запечатленном мотиве.

Вглядываясь в природу, художник стремится отразить в своих произведениях почти достоверные образы привычного и близкого мира. Он много странствовал.

Глухой стук мостовой в Берестово под ногами, улица с ишаком, порыв благоуханного южного ветра, резкие очертания крымской красной крыши, капельки дождя, упавшие на ладонь, – всё это зачастую превращалось в те волшебные мазки кисти, по которым в памяти всплывают картины во всей полноте ощущений.

Спокойные виды любимых гор, освещенные мягко и рассеянно; островерхие крыши домов под блекло-голубым небом

Кокетливая женщина. 1998

Собор под Веной. 1997

Последствия войны

Эмир три

Сент-Эндре. Скупое перекрестье углов и квадратиков в решении конструктивной пластики горных пейзажей Карпат, соединенное с живописной эстетикой русского авангарда начала XX века, живет праздничной жизнью на полотнах художника.

Цветущие долины Средней Азии и тоскливые калмыцкие степи. Автор погружается в таинственную тишину южных улочек Самарканда и запечатлевает странные силуэты самаркандских женщин в парандже. В плотной, насыщенной архитектуре живописи напрочь отсутствует фактурная пространственность (важнее – фактурная динамика с чередованием пятен, мазков), корпусная живопись лепит форму.

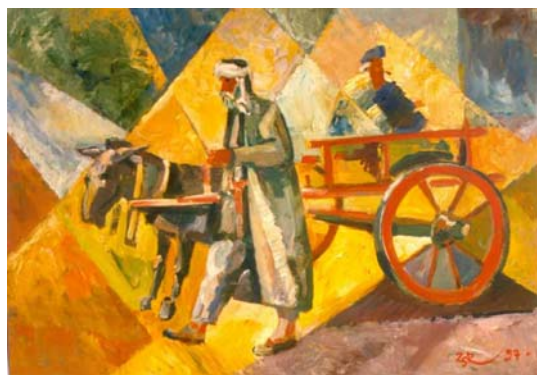
Пейзажный жанр не доминирует в творчестве Ш. Зихермана. Десятки холстов и огромное количество графических работ показывают, с каким упорством работает художник над темой «ню». Так же, как гения русского авангарда В. Татлина, его интересуют четкие повороты фигур, зафиксированные позы не столько бытовые, сколько конструктивные. Зихерман не выпускает за пределы холста живописную энергию. Зеленые, голубые, охристо-желтые пятна создают в целом некое равновесие.

Расположение стереометрических объемов в пространстве прямоугольников и треугольников на плоскости постоянно варьируется. Сравнивая различные варианты, понимаешь, что художник ищет гармонию целостного организма, конструируя модули форм женских фигур, добываясь равновесия, прилаживая цветные пятна, скрепляя разнообразные части, вправляя их друг в друга, словно плоскости на осях, вокруг которых поворачиваются руки, ноги, бедра натурщи. Процесс работы над картиной – это структурное проектирование.

Особое место в живописи этого мастера занимают автопортреты и портреты, где даны различные эмоциональные состояния художника, в определенной цветовой системе и в особом для каждого варианта формальном контексте. Извечная проблема искусства – художник и натура. Он – творец, занятый моделированием собственного мира.

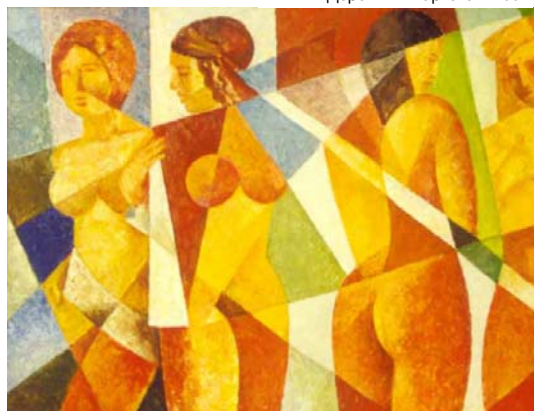
Традиции русской бубновалетской живописи и кубофутуризма проявились также в портрете. В этой традиции картина – «предмет». Здесь нет иллюзорности реального мира, сама картина превращена в вещь. Картина обретает вес, объем, увеличен рельеф красочного слоя, краска получает самоценный, предметный характер. В портретах Зихермана портретность условна. Портретная фигура сначала уподоблена предмету, разложена, а потом вновь собрана в синтетическую композицию. Фигура – объект желаний для живописного эксперимента.

Иносказательное формирование структуры вещей всюду разное. Флуоресцируют краски на портрете дедушки, свечением наполнены квадратики и прямоугольники – сегменты, складывающие картину «Стеклодувы», напряжена полнотой цвета улочка

Старик с арбой. 1997
Мечеть в Бахчисарае. 2000

Декоративные обнажённые. 2000
Деревня в Карпатах. 1991

из городка Берегово, неведомым трепетом манят ножи, пульсируют динамичными цветовыми плоскостями предметы. Фактура его полотен – застывшая масса, зацепившаяся на поверхности холста. Цвет живет своей тактильной жизнью, загустевая насыщенной фактурной эмалью. Колоризм русской живописи начала XX века со всеми достижениями и исканиями «бубнововалетцев» перешел по наследству Зихерману и продолжает в его искусстве дальнейшую жизнь.

Прибалтика, Крым, Урал, Средняя Азия и Калмыкия. Художник аккумулировал в себе множество сильных впечатлений, отовсюду привезено множество этюдов и зарисовок, набросков и законченных картин. Отсюда – любовь к универсализму и костюму путешественника. Отсюда широкий диапазон творческих интересов Зихермана – он работает как живописец и график, создает монументально-декоративные росписи и мозаики, станковую и монументальную скульптуру, медали, занимается керамикой.

От построения монументальных конструкций он с легкостью переходит к пластическим фигурам из бронзы, помещающимся в коробке из под скрепок. Он любит различные материалы, такие, как шамот и бронзу (медали из серии «Чили», «Мои друзья», «Первые руководители ВАЗа»), такие объекты, как декоративные пласти и рельефы, блюда, станковую скульптуру. (Десятки произведений подарены Тольяттинской картинной галерее, Самарскому художественному музею).

В керамических работах Зихермана видна хорошая школа. И не только. Его форма компактна, она словно замкнута на себя. В этой замкнутости чувствуется следование принципам этнического искусства, сохраняющего традиционную пластику в декоративной, условной и лаконичной форме, понятую как некий монумент, идол! Керамика – это глина, земля, почва, в которой остаются корни, куда бы ни переезжал человек. И в ней прочитываются корни традиций венгерской скульптуры: Калмычка (1971), Пастух с волыжкой (1975), Стеклодув (1975), Первое яйцо птичницы Ефросиньи (1975).

Шандор Зихерман сейчас член Всемирной ассоциации медальеров, Европейского и трех основных венгерских союзов художников.

Его произведения экспонировались на десятках отечественных и международных выставок, в России и за рубежом (Венгрия, Германия, Польша, Чехия). Работы мастера находятся в Государственном Эрмитаже и двадцати музеях Европы.

Художник и в семьдесят лет сохраняет жадный интерес к миру, желание наблюдать и познавать его, открывать новые грани действительности.

Валентина ЧЕРНОВА
Фото Татьяны САМОЙЛОВОЙ

Эмир два. 1995
Кирха

Букет сирени. 1990